

ПОХИТИТЕЛИ ДРЕВНОСТЕЙ

СЕКИРА ПЕРУНА

Екатерина Неволина

Похитители древностей

Екатерина Неволина

Секира Перуна

«Автор»

2012

Неволина Е. А.

Секира Перуна / Е. А. Неволина — «Автор»,
2012 — (Похитители древностей)

ISBN 978-5-699-58321-8

На секретную организацию, занимающуюся поисками древних артефактов, совершено дерзкое нападение. Единственной зацепкой в расследовании стал браслет с древним славянским символом – знаком бога Перуна. Глеб, Александра, Северин и Динка отправляются на поиски магической реликвии, но каждый раз им мешают все новые и новые обстоятельства, как будто кто-то намеренно преграждает ребятам путь. Вот только чьи это козни? Человека или сил куда более древних?..

ISBN 978-5-699-58321-8

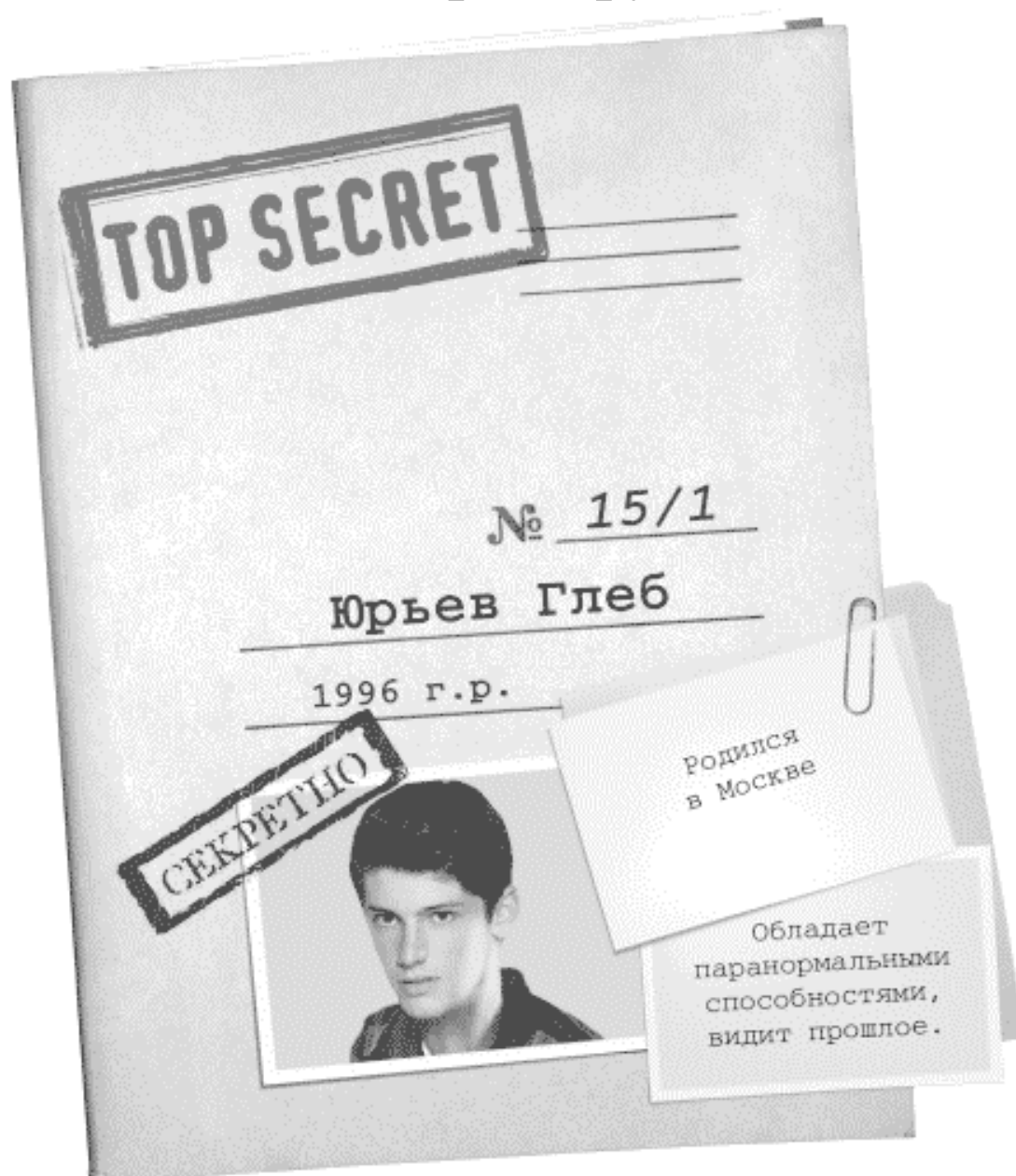
© Неволина Е. А., 2012

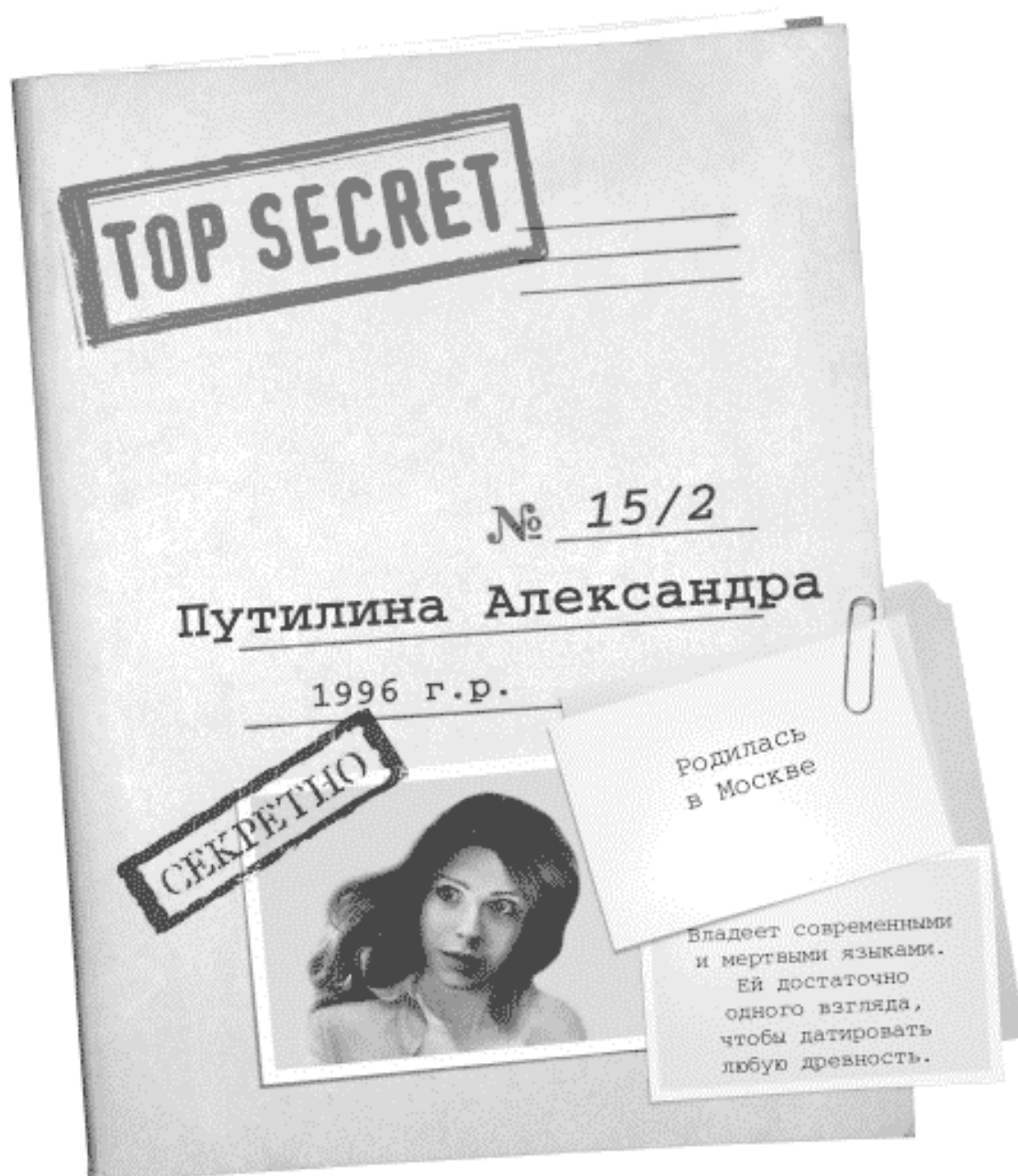
© Автор, 2012

Содержание

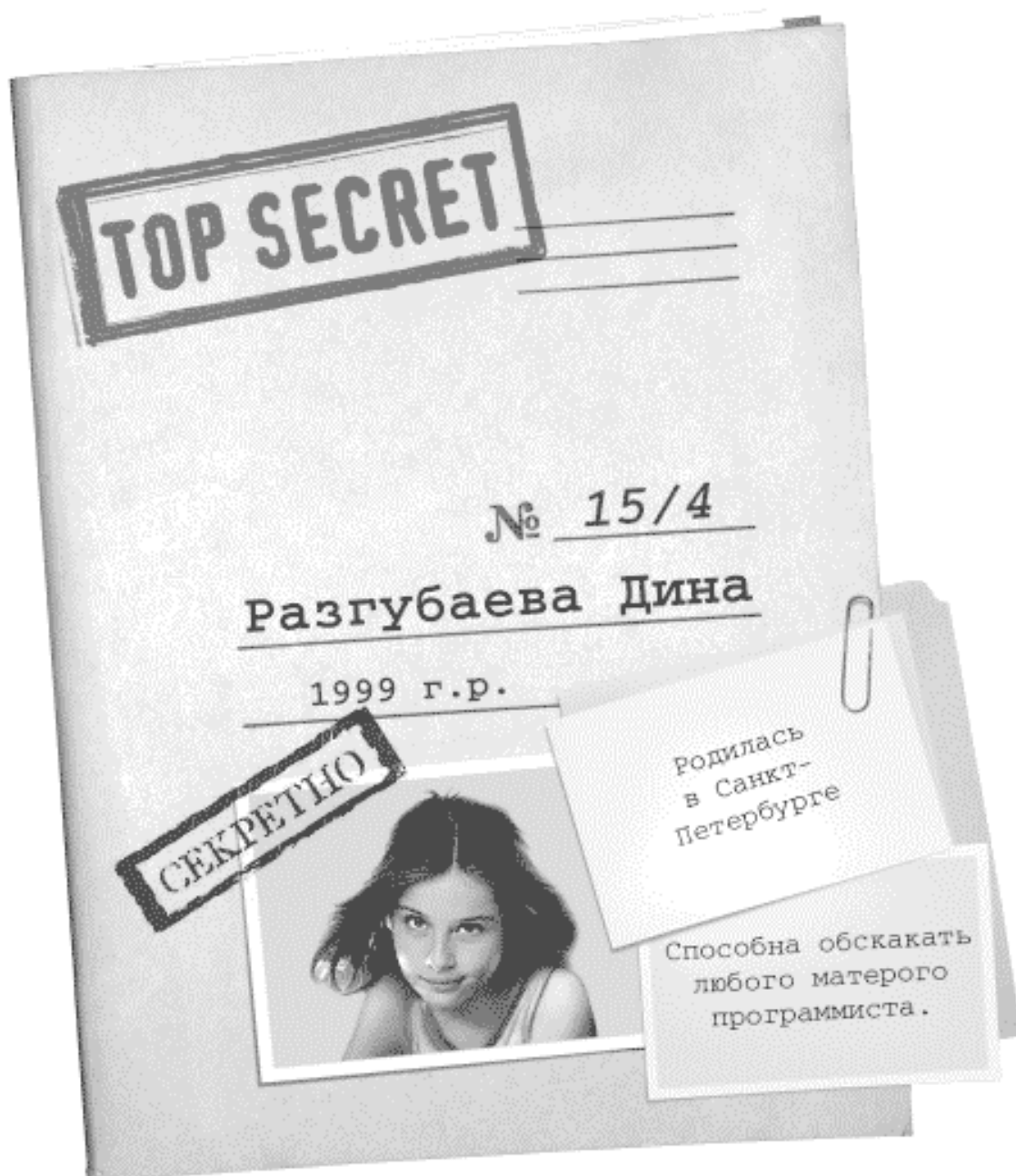
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Екатерина Неволина Секира Перуна

– И по указанию светлейшего князя, да будет идол поганый высечен кнута и сброшен в реку! – проговорил высокий темноволосый детина.

Словно в ответ на его слова, зашумели листья старого дуба, а в сизо-серое пасмурное небо взвились птицы, оглашая окрестности тревожными гортанными криками.

Люди, собравшиеся вокруг чтеца указа, переглянулись. На их простых, словно высеченных топором, лицах застыло выражение беспокойства.

– А тех, кто будет поклоняться бесам, притворявшимся богами, ждет суровое наказание! – продолжал чтение чернобородый. – Потому как...

Но объяснить, почему, он не успел. Толпа заволновалась и расступилась, пропуская статного старца с густой седой бородой и длинными, перехваченными обручем волосами.

– Тебе ли, Микитка, народ пугать? – проговорил старец молодым, несмотря на прожитые зимы, голосом. – Не ты ли сам гнева бабушки-Перуна боялся? Чай, вымахал и не помнишь, как в грозу в горнице под полатями хоронился? Не ты ли жертвы ему приносил, чтобы умиловить?

В толпе засмеялись. В это тяжелое, темное время каждое веселое воспоминание было дороже новенькой монеты с чеканным изображением светлого княжьего лика.

Чтец, смутившийся при появлении неожиданного гостя, вновь вспомнил, что он здесь – лицо должностное, наделенное властью, и приосанился.

– Нет иного бога, чем Тот, о ком рассказывает греческое учение! – заявил он, выпячивая грудь, а заодно с ней немалое пузо. – Что мне твой Перун сделает! Да вот на него... – и чернобородый смачно плюнул в сторону каменного идола.

Слюна его попала на расположенный перед изваянием жертвенный камень. В толпе ахнули. И тут же, словно в ответ на святотатственные действия, вдали послышался раскат грома.

– Не спеши, Микитка, бахвалиться. Вот то-то тебе Перун сейчас покажет! – старец, опираясь на высокий дубовый посох, подошел к алтарю и встал между ним и неслушником.

Люди ждали. Для них слова о каком-то греческом боге имели немного смысла. Но ни у кого не было уверенности, что стоит гневить нового бога: вдруг он сильнее старых. Нет уж, лучше жить в мире со всеми богами. Однако Микита слишком лихо забирает: зачем же Перуна сечь да в реку сбрасывать? Ну поставили бы еще один жертвенник – небось потеснились бы старые боги, пустили бы к себе и нового... Мир-то, чай, широк, всех вместит. Но, видно, был новый бог нетерпелив и жаден до внимания, потому как взмахнул чернобородый Микита рукой – и выступили вперед княжеские дружинники. Бог уж с богами – до них далеко, а князь близко и, как известно, гневлив дюже... А дружинники, похоже, не шутят... И толпа на всякий случай отступила, оставляя седого жреца один на один с ревнителями новой веры. Вот сейчас и станет ясно, кто из них сильнее...

Хмурое небо вспорола далекая молния, а несколькими мгновениями позже снова загрохотал гром – уже ближе... Хлынул дождь. Под его косыми холодными струями полотняные одежды тут же намокли, а волосы длинными прядями налипли на лицо.

– Гневается Перун-то, – послышался чей-то густой бас.

Чернобородый грозно потряс кулаком и кивнул дружинникам на старого жреца, закономерно считая его главным противником и не размениваясь по мелочам.

Княжьи воины подступили к старцу, однако он вдруг ловко извлек из одежд большой, не слишком хорошо выкованный нож. Прежде чем нападающие успели приблизиться к нему, жрец вонзил острие себе в грудь. Закапали на алтарь темно-алые капли, тут же смытые в землю проливным дождем. А лицо старого жреца меж тем страшно исказилось.

– Прокляты будьте, собаки, забывшие свои корни! Не будет вам милости от богов! Будете вы страдать и рвать друг друга, как голодные псы! Не знать вам вовек покоя! Будьте же вы прокляты!

Испуганные страшным зрелищем, теснились в отдалении люди, а чернобородый Микита, тоже оробев, отступил от наступающего на него старца. Но не ушел далеко – скрюченные старческие пальцы вцепились в его новую, надетую специально по случаю важного поручения, рубаху.

– И тебе, Микитка, не пережить этого дня! Но и после не отправишься ты в чертоги предков – будешь из века в век вину свою искупать! Да будет так! Я сказал! – закончил жрец, подтянув поближе к себе побелевшего врага.

И в этот миг ослепительная вспышка ударила прямо в алтарь. Такая яркая, что люди закрыли глаза, а большинство из них, утробно воя, повалилось прямо в черную жирную грязь.

Оглушительно загрохотал гром, задрожала земля. Тут и те, кто еще держались на ногах, рухнули наземь... А гром все гремел и гремел, словно настал самый последний день на свете...

...Когда отгремел гром, затих ливень, а земля перестала вырываться из-под ног, словно норовистая степная лошадь, люди осмелились наконец поднять головы.

Грязные, вымокшие, они были сейчас как близнецы – и не различишь, где мужичье, смерды, а где княжьи воины...

– Гляди, гляди! – крикнул вдруг кто-то, тыча пальцем туда, где еще недавно стоял алтарь.

Картина диковинным образом изменилась – ни старого жреца, ни чернородого Микиты больше не было видно, а на месте капища старого бога вырос холм, посреди которого еще торчал обломанный дуб.

И не понять, кто же победил – старый или новый бог. Люди с недоумением переглянулись, а затем, один за другим, поспешили покинуть страшное место. Как известно: князья дерутся – у смердов шкуры трещат, лучше уж в распри богов не ввязываться, целее будешь. Здесь, на земле, своих дел не впрокорот: поле возделывать, за скотиной ухаживать, детей растить да к своей работе приучать... А с богами... образуется как-нибудь, со временем станет видно.

Меж тем гроза прошла, небо стало разъясняться, и вскоре вновь засияло яркой синевой...

Сверкала река, обегая заросший кудрявыми деревьями остров, раскрывались после дождя в заводи кувшинки, и только над старым разломленным дубом все еще висела последняя туча, словно накрывая его огромной нечеловеческой ладонью...

Глава 1

Ничто не предвещало беды...

С Северин неуверенно оглядел содержимое своего платяного шкафа и задумчиво погрыз ноготь на большом пальце. До начала праздника оставалось не более двадцати минут, и за это время требовалось привести себя если не в достойный, то хоть в сколь-нибудь приличный вид. Униформы в школе не было, и ученикам предоставлялась редкая возможность подбирать себе одежду по собственному вкусу. Вот это и стало неожиданной проблемой. Спортивной, а также удобной «лесной» одежды у Северина имелось в избытке, хотя особенного внимания тряпкам он не уделял – главное, чтобы было комфортно и чисто. Интуиция подсказывала, что, наверное, не стоит появляться на празднике в потертых джинсах или любимых найковских штанах, но что же тогда надеть?..

Парень поморщился, и вдруг его простое лицо, главным украшением которого являлись необыкновенно чистые и яркие синие глаза, озарила радость.

– Эврика! – вскричал он, ныряя в нутро шкафа. – Куда же он запропастился, этот чертов костюм?!. Ведь я надевал его еще на прошлый Новый год...

Поисковые работы принесли результат, и вскоре Северин уже напяливал на себя черные костюмные брюки, оказавшиеся немного коротковатыми... Но настоящая беда вышла с пиджаком. Как выяснилось, за время, прошедшее с прошлого знакомства с костюмом, Северин умудрился еще сильнее раздаться в плечах, и пиджак теперь просто категорически не желал застегиваться, сколько парень ни втягивал в себя воздух, а от рубашки тут же отлетели две пуговицы. Причем не просто так, а подло, «с мясом».

– Не айс, однако, – пробормотал парень, с большим сомнением разглядывая себя в зеркале.

Меж тем время уже поджимало, и тогда Северин принял поистине соломонино решение, безусловно, встретившее бы полное одобрение у древнего еврейского царя. Он снял негодную рубашку, заменив ее на простую белую футболку (уж такого-то добра у Северина было навалом), а сверху, не пытаясь уже застегнуть, накинул пиджак.

– Так-то лучше. Если уж не Джонни Депп, то Вин Дизель, – оценил он сходство с известным актером боевиков.

Время подходило к концу, поэтому, пригладив непослушные русые волосы, все еще немного влажные после душа, Северин поспешил в главный школьный зал.

Их школа была не совсем обыкновенной. Во-первых, располагалась она в небольшом, но тщательно охраняемом одноэтажном здании в ближайшем Подмоскowie. Во-вторых, училось в ней всего четверо учеников. Каждый из них обладал особым талантом и занимался по собственной программе, призванной как можно лучше развить его индивидуальные способности. Ну а в-третьих, только в их школе ученики выполняли настоящие задания, связанные с реальным риском и в то же время дарующие настоящее чувство победы. Прошрое путешествие, завершившееся всего несколько дней назад, увенчалось успехом, что и стало поводом для сегодняшнего торжества.

Когда Северин вышел в зал, Глеб и Александра уже были там, и со стороны они показались бы отличной парой. Оба высокие, стройные и до предела, до последней мелочи, элегантно-аккуратные. Взглянув на них, Северин, обычно не особо озабоченный собственной внешностью, завистливо вздохнул. Ему никогда не добиться такой безупречности, как ни стараясь.

Глеб – высокий, скорее худощавый, подтянутый, не такой мускулистый, как Северин, стоял у кресла, где сидела девушка. Вот на нем костюм сидел как влитой – было видно, что он как раз нужного размера и к тому же идеально подогнан по фигуре.

Александра сегодня была особенно хороша – в простом длинном черном платье, не облегавшем, но сидящем удивительно по фигуре. Волосы – собраны в прическу, единственная выпавшая из нее прядка спускается на ухо так элегантно-небрежно, что не возникает сомнения: чтобы добиться такого эффекта, требуется время и терпение. И пахло от нее очень приятно. Северин, чувствительный к запахам, различил нотки мокрого дерева, ванили, пачули и каких-то сладких цветов...

– Что это? – полюбопытствовал он, подходя к сидящей в кресле Александре. – Я о духах...

– А, – она улыбнулась, – Ангелы, а может, и демоны. Они там в одном флаконе.

– Не надо о демонах, – вздрогнул Глеб. Все это время он стоял у кресла Александры, но при этом, очевидно, не обращал никакого внимания на сидящую там девушку и думал о чем-то своем.

– Это точно, – хмыкнул Северин, – честно говоря, я и сам как о том страшилище вспомню, как-то не по себе делается... Лично я готов драться с кем угодно, если только этот кто-то нормальный... ну, в смысле живой...

Александра потерела тонкими пальцами нить жемчуга, спускавшуюся до середины невысокой груди, и зябко повела плечами.

На секунду всем троим показалось, будто по комнате пронесся порыв пронизывающего северного ветра.

Каждый из них совершенно четко вспомнил сейчас узкие темные тоннели под Москвой-рекой, давящую тяжесть древних стен, повидавших на своем веку такие ужасы, что не дай боже, и мертвых, но оттого не менее опасных, опричников, а главное – того чернобородого колдуна...

– И все-таки, я так и не понял, почему он тебе тогда подчинился... – проговорил Глеб. Между его четко очерченных бровей пролегла легкая складочка беспокойства.

Северин не знал, как ответить на этот уже не в первый раз задаваемый вопрос... Он и сам хотел бы знать... Или не хотел. Меньше знаешь – крепче спишь. А от этого – брр! Только мурашки по коже, все волоски дыбом становятся.

– Думаю, мне помогла Книга, – предположил он наконец. – Она хорошая, добрая...

– Это она-то? – Глеб уставился на друга так, словно тот превратился в чудовище с жвалами и щупальцами.

Александра молчала, но тоже с интересом смотрела на Северина. Книга, которую они добыли в подземелье, обладала собственной силой и казалась живой. Назвать ее хорошей мог, пожалуй, только добродушный Северин. Другие подобрали бы для ее описания иные слова. Например, опасная.

Парень смутился. И тут, словно для того, чтобы выручить Северина из неловкой ситуации, в зал вошли директор школы и его помощница Светлана.

– Добрый вечер, – Евгений Михайлович оглядел ребят с мягкой улыбкой. – А где же наша меньшая? Как всегда опаздывает?..

– А что, я уже здесь! – из-за его спины высунулась Динка, и Северин едва сдержал вздох.

Динке было всего тринадцать, она просто обожала компьютерные игры и, конечно, не нашла ничего лучше, чем явиться на торжество в джинсах, продранных на коленках, и в футболке с символикой своего любимого Warcraft'a.

Евгений Михайлович и Светлана переглянулись.

– Ну что же, я рад, что все в сборе, – сказал директор, словно не заметив наряда одной из своих учениц. – Вы все отлично потрудились и, конечно, заслужили отдых. Вы молодцы, ребята! Никто, кроме вас, не достал бы Велесову книгу. Я совершенно в этом уверен.

– Мы с Евгением Михайловичем думали, как вас наградить, – продолжила его речь Светлана. Сегодня на ней было асимметричное кроваво-красное платье и блестящие лаковые туфельки на высоченном каблуке. – И наконец решили. Пусть каждый выберет для себя награду сам.

Ребята задумчиво молчали.

– Разумеется, не сейчас. Вы можете подумать и высказать пожелание в любое время, – успокоил их директор. – И на этом официальную часть, думаю, можно закончить. Прочь все дела и заботы! Сегодня надо есть, танцевать и веселиться! – добавил он весело.

Четверо ребят и двое взрослых сели за роскошно накрытый стол.

«И что я замораживался на костюм?» – подумал Северин, накладывая на бутерброд черную икру и косясь на Динку, которая, уже не церемонясь, целиком запихивала в рот шоколадный эклер.

Постепенно обстановка становилась все более неформальной. Ребята, с подачи Евгения Михайловича, перебирали подробности прошлого похода, но уже в юмористическом ключе. Глеб напомнил, как они приехали в Александров, совершенно уверенные, что Библиотека Ивана Грозного и спрятанная в ее недрах Велесова книга именно там. О том, как встретились с командой дилетантов-любителей истории и как двигали в погребу у старика мешки с картошкой. Динка от души хохотала и показывала всех персонажей этой истории в лицах. Северин мельком подумал, что у нее, должно быть, неплохой актерский талант. Даже Александра, обычно сдержанная и похожая на Снежную королеву, улыбалась, и на щеках ее появился слабый румянец – то ли от воспоминаний, то ли от выпитого шампанского.

Вдруг у директора зазвонил телефон. Евгений Михайлович вытащил аппарат из кармана и посмотрел на дисплей так, словно не верил собственным глазам, затем поднялся и отошел в глубь зала, отвечая на звонок.

Вроде бы ничего особенного, мало ли кто может звонить директору по делу, но Северина вдруг кольнуло странное предчувствие, будто это неспроста и что-то обязательно должно произойти...

Буквально через минуту Евгений Михайлович вернулся. Он уже не улыбался, и Северин разглядел залегшие под глазами мужчины тени – свидетельства тяжелой и кропотливой работы, бессонных ночей и неисчислимых тревог.

– Ребят, простите, – серьезно произнес директор. – Думал вот так запросто посидеть с вами, но увы, не получается. Дела. Придется ехать. Отпустите?

Видно было, что этому сильному человеку действительно стыдно, но выхода у него нет.

– О чем речь?! – отозвался Глеб, лидер группы.

Остальные кивнули.

Евгений Михайлович, как равным, пожал руку Глебу и Северину, попрощался с девочками и поспешно вышел из зала.

Пару минут за столом царило молчание. В обычных школах с уходом директора веселье только начинается, а здесь, напротив, чувствовалось, что без Евгения Михайловича праздник словно утратил свое значение.

– Не грустите, – ободрила их Светлана. – Что сказать – дела. А мы с вами придумаем сейчас что-нибудь веселое... Вот, например...

Она не успела договорить, потому что именно в этот момент и началось незапланированное веселье.

Бабах! – взорвались мелкими осколками сразу четыре окна, и Северину показалось, что он попал в один из восточных боевиков, потому что в комнату разом влетели четыре черные

гибкие фигуры. Буквально влетели, повиснув на тросах, как и поступали подобные персонажи в голливудских фильмах.

«Во дают!» – присвистнул Северин, еще не соотнося происходящее с реальностью.

Глеб, между тем, уже вскочив со своего места, кинулся наперерез незваным гостям.

Динка громко взвизгнула и швырнула в одного из новоявленных ниндзя тарелкой. Тот легко уклонился, и тарелка с диким звоном разбилась о стену.

– Дали бы мне джойстик в руки, я бы тебе показала!.. – угрожающе пробурчала Динка.

И Северин вдруг очнулся. Как-то разом понял, что это – не игра, не голливудский блокбастер. Рыкнув что-то неразборчиво, но грозно, он одним махом, словно взведенная пружина, оказался на ногах. Тяжелый дубовый стул словно сам собой прыгнул ему в руку. Северин легко превратил его в нечто наподобие ветряной мельницы, вращая легко, словно не чувствуя его веса. Один из неосмотрительных противников, не разобравший, с кем имеет дело, не сумел уклониться и, получив удар в голову, полетел на пол. Глеб дрался у окна с еще одним из нападавших. И, как сумел оценить Северин, примерно на равных: оба были быстры и умелы в драке.

– Ну, считайте, вы меня разозлили, – пробормотал Северин, легко блокируя удар нового нападающего.

В груди, действительно, начинала подниматься знакомая волна ярости. Северин уже готов был разрешить ей обрушиться девятым валом, и тут... воздух вокруг него заволокло густой дымкой, глаза тут же отчаянно зачесались, легкие опалило огнем, а руки и ноги ослабли, словно все мышцы вдруг по волшебству превратились в скрюченные тряпки.

Рыча от боли и злости, Северин грохнулся на пол от простой подсечки, успев разглядеть рядом со своим лицом словно выплывшую из тумана черную руку. В кожаной штурмовой перчатке с нащепками на суставах. Черный рукав немного задрался, и Северин четко различил на запястье нападающего странный узор...

Дальше он не помнил почти ничего. Приступ боли скрутил внутренности, как рачительная домохозяйка, скручивающая влажное белье.

– Так нечестно!.. – только и успел прохрипеть он.

Вторая порция газа досталась Глебу, и ему тоже пришлось ничуть не легче, чем Северину. Нападающие шагнули к девочкам.

Динка все бросалась в них предметами посуды. Светлана, как самая взрослая и умная, успела-таки вытащить мобильник и пыталась позвать на помощь, когда один из чернолицых (а лица у всех нападающих были скрыты черными шапочками-террористками) выверенным ударом выбил у нее из рук телефон, и тот, отскочив к стене, разбился. Одна только Александра по-прежнему сидела на своем стуле и наблюдала за происходящим словно издалека, из сумрака зрительного зала. И благодаря этому картина становилась какой-то и вовсе сюрной, нереальной.

– Где ваш директор? – глухо спросил подскочивший к ней чернолицый.

Александра чуть приподняла брови, взглянула на нападающего со странным выражением, словно с жалостью, и опустила взгляд на свое запястье, украшенное маленькими аккуратными часами.

– Уехал. Пять с половиной минут тому назад, – произнесла она совершенно спокойно.

Это произвело впечатление на ниндзя. Они словно в нерешительности переглянулись. Вдруг у одного из них, того самого, что задавал вопрос, запищал какой-то прибор, размещенный у уха.

– Уходим, – резко крикнул он остальным.

Нападающие кинулись к своим веревкам и, ловко подтянувшись, исчезли в окне, словно их и не было.

Глава 2

Таинственный незнакомец

«Они уходят!» – словно вспышка, сверкнуло в мозгу у Северина.

Эта мысль неожиданно привела его в чувство. Еще шатаясь от слабости и чувствуя себя так, словно его прокрутили в стиральной машинке, парень поднялся на ноги.

– Что они с тобой сделали? – спросила подскочившая к нему Динка.

Девочка подставила ему свое худенькое плечико, и Северин почувствовал новую вспышку злости. Теперь за ним серьезный должок. Кто бы ни напал на школу, он разыщет этих людей и воздаст им по заслугам! Они еще пожалеют!

Отстранив Динку, Северин бросился к выходу. Неподалеку есть лестница на чердак, оттуда можно проникнуть на крышу, и, возможно, еще удастся перехватить нападавших.

Тело все еще плохо слушалось его, однако Северин не зря приучил себя к тяжелым многочасовым тренировкам, к тому же злость прибавляла сил. У него была цель, и остановить его не смог бы сейчас никто.

Взбежав по шаткой лестнице на чердак, парень поднатужился и открыл тяжелый люк. Позади послышалось легкое дребезжание лестницы.

Северин обернулся, готовый дать отпор новым врагам, однако на чердаке оказался Глеб. Он был очень бледен, а на скуле его наливался кровью свежий синяк.

– Они на крыше? Мы успели? – с трудом переводя дыхание, спросил Глеб.

– Сейчас посмотрим.

Подтянувшись на руках, Северин выбрался на крышу и сразу понял: поздно. На горизонте стремительно удалялись от здания школы несколько крылатых мотодельтапланов. Очевидно, нападающие использовали их, чтобы миновать пост охраны и без препятствий сбежать в случае тревоги.

– Опоздали, – буркнул Северин и сплюнул себе под ноги.

– Опоздали, – подтвердил Глеб, присоединившийся к другу у края крыши. – Причем не мы одни. Вон, смотри, к нам подкрепление едет... Жаль, что не парой минут раньше... Эти типы так неожиданно напали...

Северин до боли сжал кулаки. Сейчас он был готов убить, собственными руками задушить любого из нападавших. Но не зря говорят: после драки кулаками не машут. Теперь придется искать их в огромном городе...

– Взгляни, – вдруг снова привлек его внимание Глеб, – там, на пригорке, неподалеку от наших ворот, кто-то стоит...

– Где? – Северин проследил за взглядом друга и тоже заметил странного наблюдателя.

Как и нападающие, он был полностью одет в черное: черные брюки, вероятнее всего джинсы, черная рубаха... Даже волосы у него оказались черными. А вот маски не было. Вместо нее лицо незнакомца закрывал огромный бинокль. Человек в черном, ничуть не таясь, смотрел через него прямо на Северина. Рядом с чужаком стоял черно-желтый скутер.

– Ты думаешь, он из их компании? – спросил Северин, прикидывая расстояние до незнакомца. Какая-нибудь дальнобойная винтовка оказалась бы сейчас очень кстати...

– А ты думаешь, это случайный грибник или астроном-любитель? – хмыкнул Глеб, роясь в кармане в поисках мобильного. – Ага, сейчас мы на него ориентировку нашим ребятам дадим... Птицу надо сначала поймать, а потом уже смотреть, какого цвета у нее перья. Хотя как раз с этой никаких сомнений не возникает.

Северин отвлекся лишь на мгновение, чтобы посмотреть, видны ли еще сообщники человека с биноклем, но когда снова взглянул на пригорок, черноволосого уже не было.

Меж тем военный уазик с подкреплением уже подъехал к воротам, у которых произошла небольшая заминка, а заодно выяснилась причина отсутствия в месте боевых действий охранника Сереги: он тоже был отравлен газом, однако, видимо, пострадал больше ребят, находившихся в большом зале, а не в маленькой изолированной кабинке.

– Связался с Евгением Михайловичем, – сообщил меж тем Глеб. – Он знает о ЧП в школе. Гада на скутере будут искать, как и его сообщников... Ну что, пойдем вниз? Здесь больше делать нечего.

Северин кивнул, и они спустились.

На первом этаже их уже ждали Светлана и Динка.

– Саша пошла открывать ворота, – поспешно сообщила девочка. – А мы увидели, что в коридоре окна тоже разбиты. Оказывается, не все ниндзя к нам пожаловали: некоторые из них взломали дверь в кабинет Евгения Михайловича! Они что-то искали! Мы только заглянули, а там такой кавардак!.. А кто это был, Глеб? Вы их поймали?

Глеб печально покачал головой:

– Мы не знаем... Пока не знаем, – добавил он после небольшой паузы.

– А вы молодцы. Держались хорошо, – улыбнулась им растрепанная, но уже пришедшая в себя Светлана и пожала обоим парням руку.

– Они действовали нечестно. Если бы не этот газ... – пробормотал Северин, чувствуя неловкость от этой похвалы. Ему казалось, что он и никто другой виноват в их позорном поражении. Надо было действовать быстрее, а не медлить, как кисейная барышня...

Он с досадой стащил с себя пиджак, один из рукавов которого во время неравной битвы все-таки треснул и разошелся по шву, и, махнув рукой, бросил его на пол.

Прибывшее подкрепление обыскало школу, но, разумеется, без особой пользы – нападающих давным-давно и след простыл. Зато окончательно прояснилась картина происшедшего. Некая группа, воспользовавшись мотодельтапланами, остроумно обошла всю хитрую защиту школы, проигнорировав и оснащенный различными датчиками и камерами забор, и просматриваемый двор, и систему на дверях школы. Приземлившись на крышу, неизвестные нейтрализовали обоих охранников с одной и с другой стороны здания, кинув в будки гранаты с усыпляющим газом, а затем через окна проникли в зал и в коридор школы. Пока группа, находящаяся в зале, отвлекала на себя внимание, другая сумела выломать дверь в кабинет директора, открыть сейф и похитить ноутбук. Что именно они искали – пока что загадка, как и то, что за люди это, собственно, были. Человека с биноклем – того, кого ребята дружно сочли главой операции, поймать не удалось. Он исчез, словно растворился в воздухе.

– И вот что мне не нравится: они как будто знали, как у нас работает охранная система, где расположены камеры и где находится кабинет директора, – сказал Глеб, когда суматоха наконец закончилась и все четверо учеников собрались в зале.

Остальные промолчали. Динка взволнованно сопела в углу дивана, Северин мрачно глядел себе под ноги, а Александра и в обычное время не отличалась разговорчивостью.

– Разумеется, я не о том, что среди нас может быть предатель, – снова заговорил Глеб после недолгой паузы. – Но тогда это означает, что они тщательно подготовились, долго наблюдали за школой и, возможно, за нами, изучали подходы и планировали важную операцию. И главный вопрос: зачем?..

– Думаю, они искали Книгу Велеса, – сухо произнесла Александра.

Глеб, взволнованно расхаживающий по залу, остановился напротив нее.

– А ведь ты, скорее всего, права. Неслучайно, что они напали именно сейчас, после того, как мы добыли Книгу. Они знали... или предполагали, что она у директора, а поэтому искали его, но на всякий случай осмотрели кабинет и вскрыли сейф. Хорошо, что Евгений Михайлович увез Книгу из школы...

– А компьютер прихватили для отвода глаз. Или для того, чтобы разложить пасьянс, – вмешалась Динка.

– Не знаю, – Глеб покачал головой. – Знаю только одно: рядом с ними был сильный маг.

– Кто?! – выпалили ребята почти хором. Даже Северин поднял голову и удивленно посмотрел на приятеля.

– А вы до сих пор думаете, что, если не верить в потусторонние силы, они не смогут причинить вам зла? – нахмурился Глеб.

Первой отреагировала Динка. Подскочив на диване, она восторженно завопила:

– Вау! Настоящий маг! Как в игре! Здорово! Может, это тот, кого вы видели с крыши?

Маги во время битвы держатся в стороне и только метают во врагов огненные шары и...

– К счастью, этот маг, если это, конечно, был он, огненных шаров не метал, – заметил Глеб. – Но, мне кажется, реальная магия отличается от компьютерной, так что...

– погоди, – в свою очередь перебила его Александра, – но откуда ты узнал про мага?

Она умела задавать правильные вопросы, и Глеб, похоже, слегка смутился.

– Так, получил сведения из одного источника информации. Конфиденциального, – неохотно признался он и, стремясь перевести разговор с, видимо, скользкой для себя темы, продолжил: – Это не важно... Жаль, что у нападающих не было никаких опознавательных знаков... Скажем, татуировки через весь лоб с именем главного злодея, его паспортными данными и домашним адресом.

– Может, и были. Как раз на лбу. А лоб-то шапкой-террористкой закрыт! – ехидно заметила Динка.

Северин задумчиво потер бровь. Что-то упорно крутилось в голове, не желая подниматься на поверхность. Он вспомнил то чувство ярости, что волной поднималось в груди, и руку в черной перчатке...

– А ведь я видел какой-то знак, – нерешительно сказал он.

Все повернулись к Северину.

– Ну! – не выдержала Динка. – Не тяни мышку за хвост, даже если она – компьютерная!

– Может, это ерунда и ничего не значит, но у одного из тех ребят был плетеный браслет с какими-то символами. Я еще подумал, как странно...

– Это еще ни о чем не говорит, – остудила пыл Александра, заправляя за ухо выбившуюся прядь волос.

– А может, и говорит, – не согласился с ней Глеб. – С чего вдруг здоровый парень станет на руке браслетик таскать. Кстати, постарайся вспомнить, что там все-таки было изображено.

Северин нахмурился:

– Я помню круг такой типа колеса со спицами...

– Свастика? – уточнил Глеб.

А что, люди в черном вполне могли быть какой-нибудь неонацистской или скинхедской организацией.

– Вроде нет... Не похоже. Там палок было побольше, и они почти замкнутый круг образовывали. Я же говорил, что похоже на колесо.

– Точно? – Глеб оживился и возбужденно потер руки. – погоди минутку!

Он фактически выбежал из комнаты, а вскоре вернулся, неся бумагу и ручку.

С минуту все следили, как Глеб старательно выводит и вправду напоминающий колесо символ.

– Похож? – спросил он, протягивая листок Северину.

Тот взял бумагу, зачем-то покрутил ее перед глазами...

– Пожалуй, похож. А что это? – спросил наконец парень.

– О, – Глеб довольно улыбнулся. – Это славянский символ Коловрат, или Громовик. Его изображали на оружии, а еще он был признан хранить Небесную мудрость.

– То есть ты хочешь сказать, что на нас напали колдуны и язычники? – уточнила Александра ледяным голосом.

– Как вариант, – не смутился Глеб. – Хотя ты, конечно, можешь оказаться права, и это всего лишь совпадение или личное увлечение одного из напавших. Просто надо учитывать разные версии.

– Слушайте, если это правда, то я заброшу WarCraft и стану жить, как выражается Евгений Михайлович, реальной жизнью – она и фантастичнее, и неожиданнее, чем игра! – торжественно объявила Динка. – А вообще я ставлю на того с биноклем. Мне кажется, он по меньшей мере некромант, – добавила она мечтательно.

* * *

Ноздри тревожил настойчивый запах. Добыча. Она прошла здесь совсем недавно, и прямая трава, еще не успевшая распрямиться, хранила ее аромат.

Сердце радостно забило в предчувствии охоты.

Из рта вырвался негромкий рык. Догнать, повалить, насладиться собственной властью. Он – хозяин, здесь нет равных ему, и вся добыча – только его!

Высокая трава щекотала нос, мелькали деревья. Он бежал, наслаждаясь ощущением собственной силы, буквально распившей его, пьянея от аромата ромашки и зверобоя, которыми густо поросла вся опушка.

А вот и добыча. Совсем молодая, глупая олениха с тоненькими ножками и громадными, опушенными густыми черными ресницами глазами.

Совсем неопытная.

То, что происходит, она поняла лишь в последний момент. Вскинулась, чтобы бежать. Но поздно. Разве от него убежишь?..

Он поднялся и молниеносно, всей своей тяжестью, обрушился ей на хребет, перебивая хрупкие косточки, и тут же жадно впился в бьющуюся на шее вену, чувствуя на зубах вкус мяса и крови. Кровь была густой, горячей и сладкой. Такой сладкой, что ничего вкуснее он в жизни не пробовал.

Возбужденный пробудившимся аппетитом и целой смесью сладостных запахов: травы, цветов, крови и не менее отчетливо ощутимого смертельного страха, он снова тихо зарычал...

...и проснулся.

Весь в поту, все еще чувствуя во рту вкус крови, все еще сладостный и желанный.

– Что же это?! – пробормотал Северин, обхватив руками голову. – Зачем мне все это снится?..

Помрачение сознания, неумышленная жестокость, и вот пожалуйста – кровавые сны. С ним, определенно, что-то не так. Может, он маньяк? Потенциальный убийца? Бывает же, что человек живет себе, даже не подозревая, какая тьма таится в его подсознании, а в один далеко не прекрасный момент случается обострение, инстинкты просыпаются – и пиши пропало.

– Но я же себя еще контролирую, – пробормотал Северин и споткнулся об это жуткое слово «еще».

В окно светила луна, тревожа и внушая беспокойство.

Парень встал и, подойдя к стеклу, положил ладони на подоконник.

– Надо успокоиться, – сказал он себе. – Я слишком переволновался из-за нападения. Все пустяки, и завтра пройдет без следа...

Он говорил и сам себе не верил. Луна заглядывала в глаза, словно звала куда-то, а сердце утешенно колотилось в груди.

– Бред! – пробормотал Северин и повернулся к окну спиной, но вышло только хуже: теперь парню казалось, будто кто-то настойчиво смотрит ему в спину. Смотрит и выжидающе улыбается: ну что же, я жду...

Он плотно закрыл жалюзи. Не помогло. Затем прошел по комнате круг, словно зверь, запертый в клетку. Ощущение непонятной тоски и тревоги не пропадало, а, напротив, усиливалось. Северин бросил взгляд на часы: половина второго. Все в школе, наверняка, спят... и все же лучше рискнуть. Если у Глеба не горит свет, Северин просто вернется к себе и попытается заснуть.

Парень вышел в коридор. Под дверью комнаты друга лежала тонкая полоска. Значит, он тоже не спит. Наверняка обдумывает сегодняшнее происшествие, шерстит Интернет, пытается выстроить свою версию... Северин уже поднял руку, чтобы постучать, когда услышал из-за двери голос.

– А ты не можешь найти их, проследить за ними? Хотя бы того, мага? – спрашивал Глеб.

Северин замер. Он вовсе не собирался подслушивать, но ноги словно приросли к полу, а рука так и зависла в нескольких сантиметрах от двери.

В ответ послышалось неясное бурчание.

Голос скорее мужской, чем женский, хотя точно и не разобрать. Кто же может быть там, у Глеба? Один из охранников? Навряд ли. И уж точно не Александра и не Динка.

– Вот повезло! – хмыкнул Глеб. – В следующий раз на раздаче призраков попрошу кого-нибудь поговорчивей.

Северин переступил с ноги на ногу. Всему можно найти вполне рациональное объяснение. Возможно, Глеб увлекся какой-то сетевой игрой и общается сейчас по скайпу. Что бы там ни было, он не имеет права вмешиваться в дела Глеба и вот так постыдно подслушивать под дверью. Надо либо уходить, либо как-то дать о себе знать.

«Будь честен, в первую очередь перед самим собой. Это очень важно, сынок. Понимаешь?» – частенько повторял отец, и Северин, стоя один, во мраке коридора, кивнул и решительно постучал в дверь.

Она открылась буквально через полминуты. На пороге стоял Глеб. Видно было, что он не ложился, и даже прическа его находилась в полном порядке.

Он словно не удивился при неожиданном появлении приятеля и, кивнув, отступил, давая тому пройти в комнату.

Северин шагнул за порог и машинально огляделся. Никого. Все это действительно очень странно. Но лучше не задавать лишних вопросов. Захочет – сам расскажет. У каждого должно быть свое, сугубо личное, пространство, куда нет хода никому. Северин всегда придерживался этого правила.

– Садись, – Глеб кивнул на стул и уселся напротив.

– Прости, что так поздно, – пробормотал Северин, опускаясь на предложенное место, – просто хотелось с кем-то поговорить... Ночь сегодня такая... тревожная.

Жалюзи на окне Глеба были полуоткрыты, и луна, видимая сейчас только наполовину, подмигнула Северину насмешливо: ну что, не ушел?..

– Да, – согласился Глеб, – полнолуние. Не зря это время всегда считалось мистическим. Северин уставился на свои большие сильные руки и наконец решился.

– Тебе никогда не снились странные сны? – спросил он, поднимая глаза на приятеля.

Ему показалось или Глеб действительно вздрогнул?

– Снились, – серьезно произнес он. – И, как понимаю, тебе тоже. И сколько это продолжается?

Луна в окне скрылась за тучей, и Северину стало как-то спокойней и вместе с тем пришел стыд за внезапную панику.

– Нет, недолго. Недавно странный сон приснился... и вот сегодня. Но, думаю, это ерунда – все из-за нападения. Извини, сам не знаю, что вдруг на меня нашло... – Он смутился и опять уставился на пол, где у самых его ног лежал какой-то предмет.

Северин машинально нагнулся и поднял маленькую костяную фигурку. Грубо намеченная выступающая морда, два круглых уха, массивное тело с короткими лапами – зверь стоял на задних и прижимал передние к груди. Медведь. Самый опасный хищник – с виду неповоротливый, но на самом деле стремительный и ловкий. Фигурка казалась старой, очень старой... кость треснула и пожелтела от времени...

– Это твое, – Северин протянул Глебу фигурку.

Глеб не торопился брать ее и смотрел на ладонь друга остановившимися глазами.

– Это же твое? Я на полу нашел, – повторил Северин.

Глеб вздрогнул, кивнул и наконец взял костяного медведя. Осторожно, двумя пальцами, словно опасался прикоснуться к нему, затем поднялся и поставил на свой письменный стол.

С минуту постоял, глядя в темное окно, и вновь повернулся к другу.

– Слушай, я не понимаю, что здесь происходит. Может быть, мы все все-таки сходим с ума? – спросил Северин, глядя в глаза Глебу.

Тот медленно покачал головой.

– Я не знаю, что происходит, – сказал он, – знаю только одно: на нас словно стоит какая-то печать. Мы не такие, как все, понимаешь? Я вижу прошлое, мир вокруг меня словно истончается. И у тебя, я чувствую, свой дар. Не понимаю пока, какой. Но он точно есть. Ты вот говорил о снах. Я думаю, это действительно важно.

Северин кивнул и заметил, что Глеб едва удерживает зевоту. И действительно, времени уже очень много.

– Спасибо. Я, пожалуй, пойду... – Он поднялся с кресла и вернулся к себе.

Кажется, луна опять вышла из-за туч, по крайней мере к Северину вернулось напряженное беспокойство. Впрочем, возможно, оно и не было связано с луной. Он лег на кровать и, отвернувшись к стене, с головой закутался в одеяло.

Ему снова приснился лес, и бег по высокой, мокрой траве, и смутные силуэты, и лазоревая лента реки...

Проснулся Северин разбитым, словно и вправду до утра носился по лесу.

* * *

– Глеб... – Ольга, прильнув к плечу парня, перебирала пряди его волос. – Ты как будто где-то далеко...

Он моргнул. Действительно, задумался.

– Я с тобой, – он осторожно поцеловал теплые податливые губы.

Как можно думать о чем-то, когда любимая рядом! У них и так слишком мало времени, и слишком редки, слишком драгоценны эти встречи! Сейчас он и Ольга одни в ее квартире. Олины родители уехали на дачу: у них, конечно, есть дача – большой деревянный дом с крыльцом, выкрашенным синей краской, участок, поросший соснами, где между двумя деревьями висят простые самодельные качели... Глеб видел все это на фотографии, жадно впитывая в себя чужой домашний мир. Нет, этот мир не был для него чужим – ведь это был мир Ольги. И ее комната – светлая, где на столе в художественном беспорядке всегда разбросаны незаконченные работы... где сохнут в стакане мягкие беличьи кисти, а солнце золотит темно-рыжие волосы его девочки-весны... Это все – его богатство, его тайное сокровище! И он, как волшебный дракон, будет охранять его от кого бы то ни было.

– Я не хочу тебя ни о чем спрашивать, но все же я боюсь за тебя. Мне кажется, тебе угрожает опасность. – Оля заглянула ему в глаза. – Знаешь, я бы хотела всегда быть рядом, чтобы защитить тебя.

Сердце защемило от сладкой боли.

Она, такая маленькая, легкая, как птичка... Какая из нее защитница? Кажется, ее унесет первый же порыв северного ветра.

– Со мной все будет в порядке, – пообещал Глеб. – Я постараюсь, честное слово.

– Обещаешь? – она требовательно взяла его за подбородок, уставилась прямо в глаза.

– Обещаю, – поклялся Глеб.

Девушка перевела дух и закончила уже совсем тихо:

– Это хорошо, потому что мне кажется, будто я тебя теряю...

Он не ответил, вместо того принялся исступленно целовать ее прекрасное лицо, нежную шею, обнаженные, подрагивающие под его поцелуями, плечи... И каждый его поцелуй словно кричал: «Я люблю тебя!»

Глава 3

Купальские огни

– Я хочу, чтобы вы пока жили в летнем молодежном лагере. И вам отдых, и мне спокойнее, а то из-за этого переполоха, – Евгений Михайлович досадливо поморщился, – не поврите, ночей не сплю. Непокойно мне за вас, пока вы в школе...

– Летний лагерь?! – повторила Динка с таким ужасом, что становилось понятно: она предпочла бы, чтобы ее уж сразу отправили на каторгу.

– Не беспокойся, – поспешил успокоить ее директор, – никакой обязаловки. Отдельные домики и проведенный Интернет. Да и не надолго – дней на пять, максимум на неделю, пока мы все здесь переоборудуем и поищем этих деятелей в черном...

Нахмуренное лицо Динки просветлело: будущее явно стало представляться ей в более светлых тонах.

– Вы поедете туда тайно, – добавил Евгений Михайлович. – К тому же, Глеб, – он взглянул на руководителя группы, – там ты должен будешь встретиться с одним человеком. Он расскажет тебе о новом задании...

При упоминании нового задания ребята переглянулись.

– Значит, мы поедem все-таки не просто на отдых, а по делу? – уточнил любящий ясность Глеб.

– И по делу тоже. Не хочу, чтобы этот человек появлялся здесь. Особенно после инцидента.

Северин чувствовал радостное волнение. Во-первых, жизнь вне стен школы – это уже подарок. Наверняка рядом с лагерем окажется лес, и можно будет, забыв о пыльном грязном городе, долго бродить среди деревьев, впитывая их уверенность и силу... А во-вторых, новое задание – это тоже здорово. Это то, ради чего все они, начиная от Глеба и заканчивая Динкой, учились в школе. Это возможность проявить себя и выяснить, на что действительно способен.

– Сразу бы так и сказали! – Глеб сиял и не скрывал довольной улыбки.

– Так что, согласны? – с напускной строгостью поинтересовался директор.

– Да! – хором отозвались все четверо.

Летний лагерь и впрямь располагался в отличном месте. Как и надеялся Северин, рядом был большой и даже достаточно чистый лес, а еще имелась река, небольшое озерцо, уже прогревшееся, несмотря на то что едва перевалило за середину июня, а по опушке леса росла крупная медово-сладкая земляника.

– Каникулы! – радовалась Динка. – Наконец-то и у нас каникулы!

– Не расслабляйся, – пытался урезонить ее Глеб, но было заметно, что говорит он скорее для порядка и, в общем, и сам не видит ничего плохого в том, чтобы поваляться на солнышке и искупаться в теплой озерной воде.

Сам лагерь состоял из деревянных домиков. В это время в них уже было полно молодежи. Жарили шашлыки, пели песни, а по вечерам устраивали большие посиделки.

«Русичи», как назвала себя команда Глеба, держались немного особняком. Каждый из ребят обустроил свой досуг так, как хотелось именно ему: Динка по-прежнему целые дни просиживала в сети, Александра лежала на берегу с книгой, Глеб делил свое время между тренировками и чтением, а Северин... он, конечно, дни напролет проводил в лесу.

Любовь к лесу подарил ему отец, и так получилось, что лес теперь стал единственной памятью о нем. Когда Северин оставался в лесу один, он словно слышал живой голос отца – в потрескивании веток, шелесте листвы, перекличке птиц...

– Лес – твой друг, – говорил ему отец, – научись смотреть ему в глаза и слушать...

И Северин смотрел и слушал, читая лесные знаки, как раскрытую книгу. Он знал всех лесных зверей и птиц и мог различить их по следам, он никогда не заблудился бы в лесу и шел по нему, словно в руках у него был компас. Северин и сам не понимал, откуда в нем это чувство, просто знал – и все. Он знал, что люди могут обмануть; лес всегда говорил правду. Если, конечно, как и учил отец, уметь его слушать.

В тот день – а это были третьи сутки с даты их приезда – он долго, до самого вечера, бродил по лесу. Возвращаясь, еще не подойдя на прямую видимость к лагерю, Северин уже понял, что там что-то происходит: в воздухе отчетливо пахло дымом.

Так и есть. На берегу озерца пылал большой костер, вокруг которого собралась, кажется, вся молодежь из лагеря. Северин заметил, что у многих девушек на голове пышные венки из полевых цветов и осоки, и тут уж сообразил, что сегодня – 22 июня, день летнего солнцестояния. С древних пор, еще до принятия христианства, в этот день был всеобщий праздник. Сейчас его называли Ивановым днем, или иначе – днем Ивана Купалы.

Кто-то из ребят у костра затянул тягучую плавную песню, парни и девушки взялись за руки и устроили красочный хоровод. Даже удивительно, сколько древнего, языческого оказалось в этих простых современных парнях и девчонках.

Северин смотрел на них, и ему казалось, что он каким-то чудом очутился в прошлом. Пыль городов, полные едва ползущих в часы пик автомобилей автостреды, офисы и махины банков – все это представлялось сейчас неправильным, нереальным. Настоящее было здесь: в отблесках костра, в старинных, протяжных, проникающих до самого дна души песнях... Он смотрел на веселую игру у костра, слушал смех и ощущал, как тепло, как хорошо становится на сердце.

– Иди к нам! – закричали ему.

И Северин вступил в пестрый радостный круг.

Купалинка, купалинка, темная ночка, купалинка.

Темная ночка, темная ночка, где твоя дочка, темная ночка.

Моя дочка, моя дочка во садочку, моя дочка.

Во садочку, во садочку рве цветочку, рве цветочку¹... —

затянул глубокий девичий голос.

Северин взглянул и обомлел. Она была высокой и удивительно гибкой, в длинной просторной рубаше, видимо, пошитой и надетой специально ради праздника. Ноги были босыми, и девушка ловко переступала ими в такт мелодии, не боясь ни холодной еще земли, ни колкой травы. Длинные светлые золотистые волосы спадали ниже поясицы. Ее голову с правильными, по-русски простыми и в то же время изящными чертами лица украшал пышный венок из осоки и васильков. Пела девушка вдохновенно и сосредоточенно, словно выполняла важную, ответственную работу. И ее голос казался по-взрослому глубоким и зрелым. Северин не слишком разбирался в музыке, однако имел хороший слух и понимал, что незнакомка поет не просто хорошо, а очень хорошо, как, наверное, исполняют где-то в опере.

Третий вянок – другу на головку, третий вянок.

Носи, мой друг, не сбрасывай,

Люби меня, люби меня – не сказывай... —

пела девушка.

¹ Купальская народная песня.

Северин часто слышал, что глаза сравнивают со звездами, но впервые видел их на человеческом лице – такие чистые и сияющие – кажется, только сорвавшиеся с неба.

Тем временем круг распался, и Северин, не помня себя, завороченный – то ли колдовским голосом, то ли красотой незнакомки, то ли магией волшебной ночи, сам не зная как, очутился перед ней. Пахло от нее тоже совершенно необыкновенно – медом и полынью. И это сочетание сладости и горечи заворачивало, кружило голову. Этот запах говорил Северину, что он наконец нашел то, что искал, наверное, всю свою жизнь.

Он не знал, что говорить, и только смотрел на нее. А девушка рассмеялась и вдруг протянула парню руки.

– Пойдем, – позвала она, – сейчас через костер прыгать будут.

Даже когда она говорила, речь звучала как песня из-за необычного мягкого, какого-то медово-певучего тембра голоса.

Большой костер поднимался уже не так высоко, а высыпавшие на небе звезды казались рассыпавшимися ненароком угольками.

Праздновавшие Иванов день толпились вокруг костра, пересмеиваясь в ожидании, когда огонь еще немного спадет и можно будет наконец прыгать.

– Ну, не боишься? – подзадорила Северина его прекрасная спутница.

Он покачал головой и шагнул к огню.

– погоди, не надо, еще рано! Я просто так сказала... – Девушка проворно ухватила его за руку, удерживая от очевидного и опасного безрассудства.

– Не бойся, я сейчас, – он улыбнулся ей.

Северин прекрасно оценивал свои силы. Разбежавшись, он легко, словно тигр, оторвался от земли и, перемахнув костер, спустя мгновение был уже на другой стороне.

Собравшиеся одобрителем загудели, а вокруг парня собралась целая толпа девушек. Многие улыбались ему, стремясь завоевать героя сегодняшнего вечера. Северин, не привыкший к такому вниманию, смутился.

– Он со мной. И не засматривайтесь! – раздался все тот же знакомый голос, и босоногая девушка, подхватив парня под локоть, вывела его из окружения поклонниц.

– Спасибо, – смутившись, шепнул ей Северин.

– Сразу видно, что ты сильный и очень добрый, – сказала она и вдруг провела ладонью по его вечно растрепанным волосам.

– Я... – Северин и сам не знал, что хочет сказать – может быть, признаться незнакомке в любви, может быть, поклясться, что сделает для нее все что угодно...

Но она испуганно приложила ладонь к его губам.

– Не говори ничего, – попросила девушка, – это волшебная, особенная ночь. Никаких слов сегодня не нужно.

Потом другие прыгали через костер. И снова пели, водили хоровод, играли в «ручеек» и «колечко» – старые детские игры, тоже наполнившиеся в эту ночь особой магией. А потом его спутница танцевала прямо на берегу озера, под светом луны. Ее ноги с узкими лодыжками переступали быстро и решительно, волосы развевались, рубаха вздувалась от кружения пузырем, и это тоже было волшебным и заворачивающим.

– Купаться! Все в воду! – закричал кто-то, и молодежь с гиканьем кинулась в озеро, поднимая тучи брызг.

– Пойдем! – девушка потянула Северина в воду, чуть в сторону от толпы, где на маслянистой темной поверхности лениво покачивались два бутона кувшинок.

Теперь, когда ее длинные волосы стелились по воде, а рубаха намочила и облепила стройное совершенное тело, девушку можно было принять за русалку.

– Ты не человек? – спросил Северин, завороченно глядя ей в глаза.

Девушка звонко расхохоталась и, обхватив тонкими, но сильными руками крепкую шею парня, притянула его ближе к себе и вдруг впиалась в губы требовательным поцелуем.

Они стояли и целовались под яркой луной, у заводи с кувшинками, позабыв обо всем и обо всех, словно были одни – только вдвоем – на всей огромной густонаселенной планете.

– А с рассветом ты исчезнешь... – проговорил Северин, когда их нетерпеливые жадные губы все же разомкнулись.

Девушка опять рассмеялась.

– А ты романтик!.. И не бойся, я не исчезну. Я живу здесь, в этом лагере. Кстати, меня зовут Ариной.

И только тут Северин вдруг сообразил, что за все это время так и не удосужился поинтересоваться ее именем. Ему даже не приходило в голову, что у этой чудесной девушки может быть человеческое имя – она казалась ему плеском волны, тонким лунным лучиком. Ее можно было звать шелестом листвы или звоном маленького певчего колокольчика.

– Ты разочарован? Ты ждал русалку, а может, ведьму? Говорят, на Ивана Купала они обретают особенную силу? – спросила Арина, заглядывая ему в глаза.

– Нет... Я не знаю... – пробормотал Северин.

– Ну что же, по крайней мере, честно.

Девушка отпрянула, но теперь уже Северин удержал ее за руку:

– Не уходи! Пожалуйста, не уходи. Извини, если я тебя обидел... Знаешь, я совсем не умею уговаривать, поэтому просто не сердись и не уходи. Ладно?..

– А говоришь, не умеешь! – улыбнулась она. – И как же тебя зовут, мой разговорчивый? Только не говори, что Саша или Сережа! Я этого точно не вынесу!.. – поспешно добавила Арина.

– Северин.

– Се-ве-рин... – нараспев повторила она. – Боги, до чего же красиво!..

В это время Глеб и Александра сидели у затухающего костра. Динка давным-давно вернулась в дом, сказав напоследок: «Подумаешь! Детский сад какой-то!..» – и, наверное, уже спала, или, что вероятнее, скиталась по просторам Интернета, пользуясь предоставленной свободой. Что же, такова она – ночь на Ивана Купалу.

– Сегодня необычная ночь... – тихо проговорил Глеб, глядя на переливающиеся всеми оттенками красного угли. Они казались драгоценными камнями, сокровищами подземного змея Полоза...

Александра вздрогнула и кивнула.

Они сидели неподалеку друг от друга, но каждый сам по себе, словно опоясанные волшебным кругом.

– Чего бы ты хотела? Вот представь, что сегодня могло бы исполниться любое твое желание? – спросил Глеб после небольшой паузы.

– Я бы хотела поговорить со смертью, – неожиданно сказала девушка. Ее голос звучал тихо-тихо, словно шепот травы, и Глебу приходилось напрягаться, чтобы разобрать слова. – Я бы кое-что у нее спросила...

Глеб мог ожидать чего угодно, но только не этого. Эти странные слова, эта неожиданная откровенность казались не присущими той Александре, которую он знал. При свете дня она была другой – собранной, уверенной, невозмутимо-спокойной.

– Что именно спросила? – подал реплику Глеб, когда понял, что девушка не собирается продолжать и только молча смотрит в костер.

– Так... не важно...

– Ты мне не доверяешь? – Он взгляделся в ее лицо, такое знакомое и вместе с тем почти чужое в ярком свете луны. Сегодня это была не обычная Саша, а загадочная незнакомка.

– Нет, не в этом дело. Ты не знаешь, ты не поймешь... Может быть, потом... – она огляделась, словно в поисках новой темы для разговора – лишь бы уйти от прежней, лишь бы замаскировать, заставить забыть свою негданную откровенность. – Посмотри, какой странный парень, – с напускной живостью проговорила Александра, – знаешь, мне кажется, он целый вечер за нами наблюдает. Я заметила его, еще когда Северин через костер прыгал.

Глеб посмотрел туда, куда глядела Саша. По другую сторону костра стоял и глядел на них действительно странный парень. Он казался персонажем аниме – в тонкой черной выпущенной из брюк рубашке, с вытянутым бледным лицом, а волосы топорщились во все стороны в завораживающем хаосе. Увидев, что Глеб на него смотрит, парень скривил тонкие губы в странно-насмешливой улыбке и помахал рукой.

– Улыбается и машет, – невольно переиначил Глеб знаменитую фразу. – погоди, – взглянул он на Александру, – я сейчас с ним поговорю.

Глеб встал и шагнул, обходя костер, но странный парень не стал его дожидаться. Спокойно отвернувшись, он неторопливо направился к озеру, откуда доносился азартный визг купающихся.

Глеб оглянулся на свою спутницу. Ему хотелось пойти за незнакомцем и припереть его к стенке, но не оставлять же Александру одну. Вроде очевидной опасности нет, но все же... было ему как-то беспокойно. Кто знает, что случится. Тем более учитывая то нападение на школу...

– Черт с ним. Просто фрик какой-то, – пробормотал Глеб, решившись, и вернулся на место.

И в то же время вдруг он понял, что уже видел этого парня. Там, возле школы, в день нападения на школу. Вот черт! Глеб едва удержал рвущееся с языка ругательство. Можно подумать, этот черный специально их дразнит. Иначе с чего бы ему показываться?.. В любом случае бежать за ним уже поздно – парень растворился в вязких купальских сумерках, словно был их созданием. А что, с другой стороны, в купальскую ночь и не такое бывает.

Александра молчала, уставившись на угли. Глеб тоже ничего не говорил.

Они просидели молча еще какое-то время. На горизонте уже появился розовый отсвет. Приближалось утро.

Глеб уставился себе под ноги.

Если бы рядом с ним была Ольга, все было бы по-другому. «И почему я не могу взять ее с собой! Все равно мы здесь просто так без дела околачиваемся!» – раздраженно подумал парень. Но тут же вспомнил о нападении на школу. Нет, все же хорошо, что Ольги здесь нет – нельзя подвергать ее даже минимальному риску... Но как она там, в Москве, без него?..

– Светает. Я пойду... – словно сквозь пелену донесся до Глеба голос Александры.

Он поднял голову, кивнул и... снова заметил у окончательно затухшего костра неподвижную человеческую фигуру.

– Ну это уже бог знает что! – пробормотал Глеб, намереваясь на этот раз не упустить черноволосого, а вероятнее всего, с досады накостылять ему по шее.

Александра тоже поднялась, отсекая незнакомцу одно из направлений для отступления. Глеб же двинулся наперерез.

– Ты... – произнес он, подходя к черной фигуре, и запнулся. Потому что вместо черноволосого лохматого парня перед ним оказался массивный бородатый дядечка лет далеко за сорок... – Простите, обознался, – поспешно сменил интонацию Глеб. – Нам тут один парень досаждал...

– А теперь убрался? – спросил мужчина низким прокуренным голосом.

Глеб развел руками, полагая, что хрен редьки не слаще и новый визитер может оказаться не лучше, если не хуже недавнего фрика.

– Ну что же, хорошо, если убрался, – философски заметил тем временем бородатый. – Я к вам от Евгения Михайловича, – добавил он, понизив голос до едва слышного шепота. – Он просил показать вам вот это...

Глеб поспешно вытащил маленький фонарик, который вместе с зажигалкой и складным ножиком носил с собой всегда, не забывая перекладывать в карман очередной смены одежды. В свете фонаря на ладони ночного посетителя блеснула копейка. Та самая, которую команда нашла в Александрове, охотясь за библиотекой Ивана Грозного.

Александра, тоже шагнувшая ближе к незнакомцу, посмотрела на парня и поспешно кивнула.

– Здесь поговорим? – спросил Глеб, оглядываясь.

Молодежь еще продолжала гулять. Над озером все еще звенел смех и песни, хотя многие парни с девушками уже разбрелись по парам... Кажется, никому не было ни до кого дела, каждый стремился урвать свой кусок от самой необыкновенной ночи в году.

– Здесь безопасно, – подтвердил бородатый, подходя к костру, – зачем прятаться и привлекать лишнее внимание? Уж лучше здесь... Тем более вокруг простор, если не разевать рот, то никто незаметно не подойдет.

Затем гость нагнулся и принялся раздувать угли. Он дул, а Глебу вдруг вспомнилась сказка про волка, сдувавшего поросычьи домики, и он едва смог удержать приступ странного смеха.

Незнакомец все усердствовал у углей, и наконец усилия его увенчались успехом. Сначала угли снова заалели, а затем по ним заплясал сперва робкий, а затем все более уверенный огонек.

– А я думала, костер уже не раздуешь, – произнесла Александра.

Бородатый улыбнулся, довольно вытирая лоб испачканной в золе рукой.

– В полевой жизни еще не то делать научишься! – похвастался он и, кивнув на бревно, где сидели Глеб и Александра, спросил: – Можно?

– Да, разумеется, – Глеб поспешно подвинулся, освобождая ему место между собой и девушкой. – А вы...

– Я археолог. Зовите меня Семеном Николаевичем, – представился бородатый несколько двусмысленно.

Глеб едва заметно поежился. С археологией у него были связаны свои воспоминания. Причем не всегда приятные.

– Очень рада познакомиться, – откликнулась Александра, не понимая, отчего Глеб, всегда такой вежливый и внимательный, молчит. – Я – Саша, а это...

– Я знаю, – перебил ее Семен Николаевич, закуривая. – Извините, ребята, я к вам ненадолго. Если не возражаете, давайте сразу к делу?..

Глава 4

Новое задание

Северин возвращался в свой временный дом уже утром. Он шел, словно пьяный, все еще не понимая, на каком он свете. То, что произошло с ним в Купальскую ночь, казалось сказкой. Прекрасной волшебной сказкой... которая рассеется при свете дня. Просто потому, что не бывает такого всеобъемлюще-огромного счастья. Просто потому, что человеческое сердце не может разом вместить в себя столько любви и восхищения. В одной сказке герой сковывает свое сердце тремя железными обручами. Так эти обручи оказались бы сейчас как раз кстати.

Уже дойдя до двери, приятно пахнувшей еще свежими смолистыми досками, Северин вдруг развернулся и бегом бросился к тому дому, куда еще недавно вошла Арина.

Парень остановился у окна. Сквозь тонкую стенку он различил легкое шуршание и тихий скрип кровати. Сердце стукнуло. Северину казалось, что он слышит даже дыхание девушки. Вот оно замедляется... она засыпает.

– Вот бедолага напился! – послышался рядом веселый голос. – Стоит у стены, шатается, даже в дом войти не может. Тебе помочь?

Перед Северином появилось добродушное курносое лицо.

– Нет, спасибо, я сам... – пробормотал Северин, понимая, что не должен больше торчать здесь. Не сейчас.

С трудом оторвавшись от стены, он двинулся прочь.

– Так это и не его дом был? – хохотнул курносый. – Пить меньше надо! Надо меньше пить!

Северин, едва переносивший алкоголь и не попробовавший сегодня ни грамма, не ответил. Его действительно легко было принять за пьяного. Он сам не узнавал себя, и расскажи ему, что бывает такое состояние, он бы не поверил. До тех пор, пока не испытал это сам...

Ступая, словно во сне, он вновь дошел до своего домика и, открыв скрипучую, плохо смазанную дверь, шагнул внутрь.

Домик был очень маленький, с двумя кроватями по обеим стенкам и небольшим, деревянным же, столом между ними. На одной из кроватей спал Глеб. На скрип двери он пошевелился и пробормотал что-то нечленораздельное, но, видимо, так и не проснулся.

Северин тяжело опустился на свою кровать. В ушах все еще звучал глубокий голос, в котором слышался и звон ручейка, и шум мощной реки, и пение птиц... Он словно вмещал в себя все звуки на свете. Даже если бы Арина не была так волшебной-красивой, в нее можно было бы влюбиться только из-за ее голоса...

В висках все еще стучал пульс. Северину казалось, что все его чувства необыкновенно обострены. Он чувствовал запах дерева, который витал во всем доме, запах любимой туалетной воды Глеба, аромат дыма костра, терпкий запах чьих-то сигарет... На этой мысли Северин обеспокоенно поднялся и еще раз втянул в ноздри воздух – да, табаком, определенно, пахнет. И почему-то от одежды Глеба. Глеб не курит, это точно. Но мало ли кто курил в его присутствии... Северин обеспокоенно огляделся. Этот запах отчего-то тревожил и раздражал парня. А еще он не понимал, как можно спать в такое необыкновенное утро.

В груди словно раскручивалась сорвавшаяся с зажима пружинка. Когда беспокойство стало невыносимым, Северин решительно вышел на улицу.

Лагерь был погружен в утренний сон. Последние припозднившиеся компании разбредались по своим домам, а над озером легкой тюлевой занавеской висел туман.

Жадно вдохнув свежесть раннего утра, словно пытаясь выгнать из легких тревожащий запах табака, Северин зашагал в сторону леса. Теперь он знал, куда идти. Еще в детстве, когда что-то волновало или пугало его, Северин убегал в лес. «Не бойся леса. Он хороший. Он защи-

тит...» – говорил, бывало, отец. И ошибался: лес не защитил его самого... Но думать об этом сейчас Северин не мог и не хотел. Он все ускорял шаг, а вскоре и вовсе перешел на бег.

И вот уже несясь сломя голову через мокрые от росы кусты. Лес словно расступался перед ним, и молодые колючки малины скользили, не причиняя вреда. А Северин бежал и бежал – так быстро, словно от этого зависела его жизнь, и на сердце опускался благодатный покой... Ему казалось, что сердце увеличивается, вырастает в груди. Теперь-то в него уже можно вместить все счастье...

Северин проснулся, улыбаясь. Обоняние щекотал легкий и приятный запах сосновых иголок. Он открыл глаза – сосновые лапы и вправду раскачивались высоко над головой. Сквозь них, как сквозь занавески в спальне, просвечивало солнце, ложась на покрытую мохом землю причудливым изящным узором.

Парень сладко потянулся. Оказывается, он заснул прямо в лесу, свернувшись калачиком у старой сосны. Северин не помнил, как ложился, в памяти сохранилось лишь сладостное ощущение бега по утреннему пробуждающемуся лесу, который, кажется, сам стелется под лапы... «Под лапы...» – поймал Северин за хвост странную мысль и улыбнулся – кажется, он так сроднился с лесом, ему так хорошо и комфортно тут, что он уже думает о себе как об одном из лесных обитателей-животных. «Конечно, под ноги», – поправил себя парень, поднимаясь с мягкой моховой подушки.

Он спал всего-то часа два-три, но чувствовал себя необыкновенно бодрым и сильным.

Где-то в ветвях пели птицы, сквозь сосновые ветки проглядывало ярко-васильковое небо, а вокруг было так красиво, что сердце начинало чаще стучать в груди. «Жаль, что здесь нет Арины, – подумал Северин, – ей бы понравилось». Он ничуть не сомневался, что именно она, одна из немногих, способна почувствовать эту неброскую и в то же время такую всеобъемлющую красоту.

Очень хотелось есть, и Северин как-то само собой вышел на солнечную полянку с земляникой, потом отыскал небольшой ручеек, где умылся, и только тут вдруг подумал о друзьях, которые наверняка беспокоятся о нем.

Хотя Северин оказался довольно далеко от лагеря, парень вовсе не беспокоился об этом. У него всегда было хорошо с чувством направления, и сейчас, даже не определяя по солнцу север, юг, запад и восток, он просто двинулся в нужную сторону, тихо насвистывая под нос незамысловатую мелодию.

Он шел и думал, как хорошо было бы, если бы рядом вдруг оказалась Арина. Они бродили бы по лесу целый день, нашли бы полянку земляники – примерно такую, как он обнаружил недавно. Там можно было бы упасть в траву и осторожно срывать губами крупные сладкие ягоды, и кормить ими друг друга, и целоваться... Это стало бы прекрасной волшебной сказкой, жить в которой не наскучило бы ни ей, ни ему...

За этими мыслями Северин и сам не заметил, как вышел к стоянке. Лагерь уже просыпался, такой же, как всегда, и только черный круг кострища свидетельствовал о том, что вчерашняя ночь не являлась плодом воображения.

Глеб, Александра и Динка уже проснулись и встретили Северина с явным облегчением.

– Ты что, так и не ложился? – приветствовал друга Глеб.

Северин широко улыбнулся.

– Ну почему же? Я просто прекрасно выспался. Знаете, сегодня замечательный день!

Динка искоса наблюдала за ним.

– Знаешь, ты просто светишься, как будто тебе в уши лампочки вставили, – пошутила девочка в своей экзотичной манере. – А вообще кажется, будто в тебя сто пунктов маны вкачали, – добавила она после недолгой паузы. – Может, ты язычник и тебе Купала силы грантует?

Северин, не слишком прислушиваясь к ее словам – что еще можно от Динки, кроме компьютерно-игровых аналогий, услышать, – покосился на Александру как на самого дисциплинированного и ответственного члена группы.

– А нет ли у нас чего-нибудь мясного пожевать? – спросил он, сглатывая слюну. – Очень есть хочется!

Земляника – это, конечно, очень вкусно, но ненадолго, и ничто не сравнится с сочным ароматным куском мяса, чуть прижаренным на сковороде – с тоненькой кромочкой золотистого жира, мягкого, сочного мяса!..

– Да, – спохватилась она, – и вправду можно бы позавтракать. Дин, пошли, поможешь мне с бутербродами.

Девчонки удалились, и Северин остался с Глебом один на один.

– Кажется, ты с кем-то вчера познакомился? – спросил Глеб с деланным безразличием.

– Д-да... – Северину не хотелось говорить об Арине. Это было то же самое, что трогать грубыми руками едва распустившийся нежный цветок.

Глеб кивнул и не стал приставать с дальнейшими расспросами. Кажется, он понимал все даже без слов, и Северин почувствовал огромную благодарность.

Они стояли на веранде, облокотившись на перила, и молча смотрели на озеро. «Там, именно там я впервые поцеловал ее», – думал Северин, глядя на мерно качающиеся толстые камышины.

– Кстати, – сказал Глеб, когда девочки принялись накрывать на веранде простой деревянный стол, – а мы получили новое задание.

– Правда?! – взвизгнула Динка, едва не выронив хлеб, который держала в руках. – Как здорово! Значит, мы скоро отсюда уедем?!

В голосе девочки слышалась такая откровенная радость, что Северин взглянул на нее укоризненно.

– Это ты у нас лесной житель, – пояснила Динка, состроив рожу и показав товарищу язык. – А тут, между прочим, связь нестабильная. Бывает, конечно, хуже, но и лучше я, честно говоря, видала.

– Кто о чем, а Дина об Интернете, – заметил Глеб, принимая из рук Александры вскипевший чайник.

– И что в этом плохого? – вскинулась Динка. – Нас, между прочим, за это и выбрали. Меня – за то, что я хорошо в программировании шарю, Северина – за знание леса и еще эту... – Она согнула в локте тоненькую руку, лишенную всякого намека на какие бы то ни было мышцы. – За силу и всякие бицепсы-трицепсы. Александру – за серьезность и аккуратность – находишься она на тонущем «Титанике», и то, не причесавшись, не села бы в спасательную шлюпку. А тебя...

– Да, интересно, за что же меня? – поддразнил девочку Глеб.

– А тебя – за то, что больно умный! – рассмеялась она.

– Никого не обошла! – хмыкнул Глеб. – Вроде и хвалит, а от таких похвал как-то не по себе...

– А что там с заданием, – напомнил Северин. Он уже уселся за стол и тянул к себе первый бутерброд, состоящий большей частью из колбасы, чем из хлеба.

– Слушайте. – Глеб сразу стал серьезным. – В языческие времена, еще до того, как Владимир кнутом да пряником взялся крестить Русь, славянские племена поклонялись разным богам, главным из которых почитали бога-громовержца – Перуна. Одно из главнейших его святилищ находилось на реке Волхов, на острове... Вот наше задание заключается в том, чтобы...

– Отправиться на остров и договориться с Перуном о вечном покровительстве? – не удержавшись, перебила его Динка.

– Ну почти... Всего-то добыть его секиру – нечто вроде каменного молота, – спокойно заявил Глеб.

– Если я правильно помню, Русь крестили веке в десятом? – уточнил Северин. Он поставил на стол локти и, отложив бутерброд, с интересом слушал друга.

– В конце десятого, но язычество держалось еще несколько веков... – уточнил тот. – Потом почти умерло. Но сейчас, кстати, появились люди, называющие себя язычниками. Они, конечно, больше играют и на самом деле мало что знают о языческой вере. Вроде как модно одно время было относить себя к поклонникам древних богов и на выступлениях фольклорных групп иступленно орать «Один», «Перун» или «Велес» – кому как больше нравится.

– Ну, про Велеса мы уже кое-что знаем, – усмехнулась Динка. – У нас даже свой богатырь Поток Власьевич есть, – и она хитро покосилась на Северина. Тот неожиданно покраснел и устался в стол. – А что про этого Перуна известно?

– Действительно не так уж много, – вмешалась в разговор Александра. Она сидела чуть в стороне ото всех, на перилах и, казалось, даже не слушала. – Само имя Перун означает «бьющий, разящий». Раньше молнии тоже называли перунами... Так вот, Перун – бог грозы. У многих народов главным становился именно бог, сметающий молнии. Например, Зевс у греков. Перуну приносили в жертву быков, а еще ему обычно была посвящена особая священная дубовая роща. Князь и княжья дружина считали Перуна своим покровителем и клялись его именем...

– Кстати, – добавил Глеб. – Перун часто встречается в народных сказках. В одной из них он долго гонял молниями черта, который прятался то в скотине, то в человеке, то в дереве, пока черт наконец не укрылся в воде. «Там тебе и место», – говорит Перун. Славяне вообще считали, что нечисть большую часть года живет в воде, выходит на сушу лишь на Ивана Купалу и ходит среди людей до Ильина дня. Поэтому и купаться лучше лишь в это время. Безопасней.

– Выходит, вовремя мы сюда приехали! – засмеялась Динка. – Только не уверена, хорошо это или плохо – то, что нечисть на сушу вылезла... Сидела бы себе в воде. Может, так было бы спокойнее.

– А как мы будем секиру Перуна искать? – спросил вдруг Северин.

– Археолог сказал, что раскопки ведутся, но им нужна наша помощь. Завтра выезжаем. – Глеб взглянул на часы. – Так что времени осталось немного. Отдыхайте, купайтесь, раз уж вода от всякой нечисти свободна, а утром пораньше отправляемся в путь. Все согласны?

«Русичи» переглянулись и с готовностью кивнули. Северин помедлил. Он думал об Арине. Конечно, он знал, что они здесь ненадолго, и жизнь его прочно связана со школой и сложными, порой опасными заданиями, но так хотелось продлить время, почувствовать себя свободным независимым человеком... как все те подростки, что тусуются во дворах, слушая музыку и маясь бездельем.

– А раз так, все свободны и, – Глеб широко улыбнулся, – просто обязаны провести сегодняшний день в бездельи!

Можно было не повторять. Словно боясь потерять даже одну минуту из отпущенного дня, Северин вскочил и, на ходу дожевывая свой бутерброд, направился к домику, где жила Арина.

Окна летнего дома были занавешены голубым тюлем, и Северину вдруг показалось, что это очень мило и трогательно. Он, чувствуя необыкновенную нежность, словно лаская, провел рукой по деревянным полированным перилам. Он готов был целовать каждую ступеньку лестницы, по которой ступали босые ножки девушки.

Поднявшись на крыльцо, Северин остановился у двери. «Вот сейчас я постучу, и она выйдет... Что ей сказать? «Привет»?.. – это простое слово вдруг показалось Северину пустым и неуместным. – «Доброе утро» будет гораздо лучше... но уже двенадцать. Не говорить же «добрый полдень»?.. А «добрый день» как-то сухо...» Парень нахмурился. Все слова казались ему недостойными Арины. Она – совершенно особенная, необыкновенная девушка. Значит, и

говорить ей нужно что-то необыкновенное... Но что? Болтовня никогда не была его коньком. «Все должно решиться само, – подумал наконец Северин. – Я улыбнусь ей, и, если вчерашняя ночь не была миражом, она тоже улыбнется, нам не потребуются никакие слова».

И только он подумал все это, как понял, что решил совершенно правильно, и, уже ничуть не сомневаясь, постучал в дверь.

На лице Северина уже сияла улыбка, когда дверь открылась, и на пороге появилась заспанная темноволосая худенькая девушка в длинной футболке, открывающей загорелые дочерна ноги.

«Соседка по комнате. Ну конечно!» – сообразил парень.

– Привет, я к Арине. Можно? – Он сделал шаг, представляя, как войдет в дверь и увидит ее – тоже заспанную, с растрепанными ото сна золотистыми солнечными волосами, необыкновенно родную и милую...

Но брюнетка, против ожидания, не отступила, пропуская его внутрь, а, напротив, потянула дверь на себя и нахмурилась.

– Вообще-то Арина уехала, – сообщила она, собираясь окончательно захлопнуть дверь. Северин едва успел ее перехватить.

– Как? Куда? Когда? – спросил он, еще не веря в происходящее.

– Слушай, отстань, а? – девушка широко зевнула. – Я всю ночь не спала... Откуда я знаю, как и куда она уехала. Мы с ней просто в одной комнате жили. Я ей не сторож, понял? Уехала – и все.

– Но она вернется? – Северин все еще не выпускал ручку двери.

– Не знаю я, вернется или не вернется, но вещи все забрала. Уехала с каким-то мужиком, – брюнетка снова зевнула. – Так ты дашь мне поспать или нет?.. И мой тебе совет, – продолжила она, когда Северин наконец выпустил дверь, – не бегай за Аринкой. Если бы ты был ей нужен, она бы тебя об отъезде предупредила. Или телефончик оставила. Не оставила? Ну тогда гуляй, парень!..

Дверь захлопнулась, и Северин остался на крыльце, чувствуя себя так, словно в него ударила молния... Тот самый перун, о котором говорила Александра.

А потом повернулся и побрел к себе. Едва ли кто-то из тех, кто видел его вчера, мог бы узнать статного ловкого парня, первым перемахнувшего через еще высокое пламя, в этом ссутулившемся потерянном человеке.

* * *

– Оля, – Глеб набрал в легкие побольше воздуха, – мы не увидимся еще какое-то время... Я должен буду уехать...

Он замолчал. Из-за этой глупой недоговоренности расстояние между ними становилось вдвое больше.

– Хорошо, я буду ждать, – прозвучал ее родной голос. – Возвращайся. И помни, что ты обещал.

Он сжал зубы. Между ними – дорога. Долгая, бесконечная дорога... Редкие встречи и долгие темные провалы разлук.

К черту бы эти расставания, но как поется в одной старой песне, без расставаний бы не было встреч.

– Я люблю тебя, – выдохнул он в трубку.

* * *

Ветви деревьев плавно качались, так и норовя задеть его по чувствительному носу. Он мотал головой – не рассерженно, а зная, что все это – часть игры. Или часть ритуала. Ноздри щекотал целый каскад запахов: молодые листья, нежные лесные цветы, земля, разогретая летним солнцем... И в этот шлейф вплетался еще один запах – запах жертвы: соленый аромат крови, сладковатый привкус пота и страха.

Жертва ждала его там, на полянке. Он ощущал это и шел к ней неторопливо, по-хозяйски. Он и был хозяином, властелином этих владений.

Вот и поляна. Он на минуту остановился на самой границе, наслаждаясь этим мгновением всеобъемлющей власти, а потом шагнул в очерченный солнцем круг.

Жертва была привязана к алтарю – молоденький ягненок. Совсем еще несмышлениш, он все же почувствовал запах неумолимой смерти и теперь жалобно мычал, отчаявшись вырваться из крепких пут.

«Прими эту жертву, Хозяин! – наперебой зашептали деревья, клоня под набежавшим ветром свои гордые кроны. – И будь к нам милосерден».

«Прими эту жертву, Хозяин! – зазвенел прозрачный ручеек, отражающий кристально чистое небо. – И да не оскудеют дары твои!»

«Прими эту жертву, Хозяин! – опасливо зашебурились в кустах мелкие твари лесные. – И храни нас».

Солнце золотило нежную шкурку ягненка, рассыпаясь по ней тысячью драгоценных искр. Это было красивее, чем сверкание рубинов и блеск золота. Это было прекраснее всего на свете.

И он, хозяин и владетель, приблизился к алтарю. Жертва дернулась, уже понимая всю тщетность своих усилий, и покорно затихла.

Ему не было жаль ягненка. Таков был порядок. Правильное положение вещей в этом мире – а кому, если не ему, блюсти равновесие?

Все торжественно затихло, и даже ветер уgomонился, не решаясь прикоснуться к молодой траве, кое-где оттененной желтыми пятнышками взъерошенных после долгого сна одуванчиков.

«Я принимаю эту жертву. Да будет так отныне и во веки веков», – сказал он, погружая зубы в податливо подставленную тонкую шейку.

В рот сразу хлынула горячая пряная кровь.

Северин проснулся, чувствуя на губах солоноватый вкус крови. Кровь... опять кровь! Уже который раз за короткое время.

– Северин? У тебя все в порядке? – окликнул со своей кровати Глеб, разбуженный его возней.

Он что-то невразумительно рыкнул, словно разом позабыв человеческую речь.

Послышалось шуршание, и в комнате вспыхнул раздражающе-резкий искусственный свет.

– Да у тебя губы в крови! – Глеб приблизился и смотрел на друга с явной тревогой.

Северин медленно отер рот рукой.

– У тебя рана. Ты прокусил губу. Сильно...

– Все нормально, – пробормотал Северин, чувствуя, что ему стало немного легче. Конечно, это его собственная кровь. Он просто слишком сильно сжал во сне зубы... Ничего необычного и уж точно ничего страшного. Все абсолютно нормально.

– Давай перекусишь обработаю.

– Нет, не стоит, – он отвернулся к стене.

– Северин... – Глеб сел на его кровать, видимо рассчитывая на полноценную беседу. – Я знаю, предательство всегда тяжело. Но предать может только по-настоящему близкий человек. Та девушка была случайным человеком. Она ушла – и хорошо, что ушла. Хорошо, что сейчас, а не позже, когда ты привязался бы к ней сильнее... Это правильно, когда случайные люди уходят. Понимаешь?

Северин не ответил. Он не стал спрашивать друга, как тот догадался о том, что произошло. Видимо, это было не сложно. Он не стал спорить, по привычке признавая, что Глеб умнее... Но болеть не переставало. С тех самых пор, когда в ушах с отчаянной ясностью прозвучало «если бы ты был ей нужен...» Если бы он был ей нужен, все сложилось бы по-другому. Но история, как известно, не знает сослагательного наклонения.

– Вот что, – Глеб встал и принялся ходить по комнате. – Мы никуда не едем. Вернее, мы возвращаемся в школу.

Эти слова, словно ножом, разрезали, казалось бы, непроницаемую пелену боли.

Северин приподнял голову, затем поднялся на локте, все еще не оборачиваясь к Глебу.

– А задание? – глухо спросил он.

– Евгений Михайлович поймет, – в голосе друга теперь звучала уверенность. Он уже решил, как будет лучше, и наверняка выстраивал сейчас новый план.

– Нет.

– Почему же «нет»? Душевная рана ничуть не хуже телесной. Да что там, она гораздо опаснее. Тебя ранили, и ты нуждаешься в лечении. Это нормально.

– Нет, – повторил Северин, поворачиваясь к другу. Его лицо было уже спокойным и решительным, и только прокушенная губа еще слабо кровоточила. – Ты абсолютно прав. Я не буду смешивать развлечения и долг. Ну развлеклись, попрыгали через костер, – он говорил сухо и зло, выплевывая слова, словно сгустки боли – быстрее, быстрее. – Это все ерунда. Дело – это другое. Нас ждут люди. И Евгений Михайлович надеется на нас. Я не подведу. Выезжаем завтра. Как запланировали.

– Северин, – Глеб присел на корточки, вглядываясь в лицо друга. – Ты уверен?

– Конечно. Я благодарен ей за вчерашнюю ночь. И забудем.

Глеб покачал головой, очевидно, не вполне поверив словам друга, но спорить не стал.

– Мальчишки, что у вас там? Почему спать мешаете? – послышался из-за тонкой стенки Динкин голос.

– Дина! – одернула ее Александра. Судя по бодрому голосу, она давно уже не спала.

– Все в порядке, – повторил Северин, уже ненавидя эти дурацкие бессмысленные слова. – Все в порядке. Спите, нам завтра рано выезжать.

Глеб смотрел на него испытующе и недоверчиво, и Северин криво, одним уголком рта улыбнулся и кивнул головой. Он надеялся, что друг не станет настаивать и лезть в душу. Он не нуждался сейчас ни в словах утешения, ни во врачах, ни в исповедниках. Ему требовалось одно – время.

– Там, куда мы едем, леса, – пояснил он Глебу, – там будет лучше.

И Глеб кивнул в ответ, он понял. Щелчок – и свет погас. На комнату опустилась благодсловенная темнота.

Глава 5

Сюрприз

Бородатый Семен Николаевич поджидал их на перроне.

– Ну что, молодежь, готовы трудиться? – спросил он, щурясь на солнце.

Солнце сегодня и впрямь было яркое. Отражаясь от оконных стекол, оно бросало на выщербленный растрескавшийся асфальт миллионы бликов.

– Всегда готовы! – отозвался Глеб, протягивая для пожатия руку.

Александра хмыкнула, а Динка, похоже, даже не оценила шутку – слишком далек от нее был старый пионерский отзыв.

Северин тоже не ответил. Все это время он чувствовал, будто землю под ногами вдруг заменили на стекло, и ходить приходится осторожно, постоянно опасаясь: а не провалишься ли. Едва они сели в поезд, он залез на верхнюю полку и так и пролежал всю дорогу. К счастью, друзья не надоедали. Неугомонная Динка со всей своей подростковой непосредственностью кинулась было его тормошить, но бдительная Александра тут же утихомирила подругу.

И вот теперь он стоял на грязном провинциальном вокзале, глядя, как затрапезно одетые мужики соображают на троих у контейнеров с мусором.

– Семен Николаевич, археолог, – поздоровался с ними бородач.

Северин машинально кивнул и молча пожал белую пухлую руку, навряд ли знакомую с лопатой.

– Это Северин. Супергерой, суперсилач и мегаохотник! – представила его Динка.

– Очень приятно, юноша! – археолог расплылся в широкой улыбке, сияющей едва ли не ярче летнего солнца.

– Скажите, Семен Николаевич, а вы сами копаете? – вдруг спросил Северин и сам смутился неуместности своего вопроса: и зачем он пристал к взрослому серьезному человеку? Дурное настроение? Лучше держать его при себе. Отец вот всегда говорил, что хорошим нужно делиться, а дурное пускать по ветру.

Однако новый знакомый вовсе не обиделся и не смутился.

– Я уже откопал свое, юноша, – довольно хохотнул он, – теперь студенты копают! Вот приедем – познакомлю. Надежные ребята, но трепаться при них, конечно, не стоит. Ну вы же меня понимаете?..

– А если они что-то найдут? – спросил Глеб.

– Что найдут – то нам отдадут, – пожал плечами бородатый, – они все-таки будущие профессионалы. К порядку приучены. Ну и когда до чего действительно интересного дойдем, отыщем, чем их занять, чтобы под ногами не путались... Так что мы здесь стоим? – вдруг спохватился он. – Пойдемте к машине.

Машина оказалась высокой и вместительной. «УАЗ Патриот» – настоящая гордость отечественной автомобильной промышленности. В салоне пахло бензином, а обивка кресел была далеко не новой. Сразу видно – не пижонистая городская машина, а настоящая рабочая лошадка.

Все уселись, и вскоре за запыленным окном потянулись темно-зеленые ленты леса. «Это хорошо», – думал Северин, и сердце его понемногу успокаивалось. Если подумать, даже неплохо, что у него ничего не вышло с той девчонкой – все равно пришлось бы уезжать. А так... все точки расставлены, и его по-прежнему ничего не держит. Только школа, только товарищи, только дело, которым они занимаются вместе, – больше у него ничего нет. Больше ему ничего не нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.